

ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 1 (091)

НЕОПРАГМАТИЗМ ДЖОЗЕФА МАРГОЛИСА

А.В. Косарев

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирск, Россия

andrkw@rambler.ru

М.Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН,
Национальный исследовательский
Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

rina.volf@gmail.com

В статье представлена эволюция прагматизма с акцентом на ее третий, неопрагматистский этап. Характерные особенности этого этапа рассматриваются через призму философии Дж. Марголиса. Статья демонстрирует, что Марголис включается во все актуальные дискуссии этого направления, в первую очередь относительно отношений реализма и релятивизма и вопроса о том, какова природа истины. Решение вопроса о природе истины связано с проблемой несоизмеримости и алетического релятивизма, собственную версию которого – надежный релятивизм – предлагает Марголис. Эти вопросы рассматриваются в общих чертах. Более подробно анализируется решение Марголисом проблемы соотношения реализма и релятивизма. С одной стороны, Марголис занимает твердую релятивистскую позицию. С другой стороны, он утверждает, что можно защитить реализм от вызовов релятивизма, но только если согласовать его с релятивизмом. Для этого он предлагает две стратегии согласования. Первая стратегия реализуется через выяснение природы скептицизма. Вторая – через обращение к историчности человеческого бытия. Здесь Марголис также предлагает два пути, прагматистский и эпистемический. Делается вывод о том, что Марголис стремится занять срединную позицию между абсолютистским (фундаменталистским) и релятивистским полюсами и тем самым устранить разногласия между ними.

Ключевые слова: прагматизм, неопрагматизм, реализм, релятивизм, несоизмеримость, фундаментализм, Дж. Марголис.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-3-16

Эволюцию прагматистского направления можно представить как смену трех последовательных стадий. Первая стадия – классический прагматизм – фактически может быть сведена к инструментализму Дж. Дьюи. Разумеется, нельзя недооценивать вклад «отцов-основателей», но именно Дьюи удалось нивелировать разногла-

сия, существовавшие между Ч. Пирсом и У. Джеймсом, и унифицировать имеющиеся противоречия в доктринах, как относительно введения и использования самого термина «прагматизм», так и по вопросам истолкования «максимы прагматизма», понимания истины, отношения к идеализму и прочим. Исходная и более популяр-

ная версия прагматизма до вмешательства Дьюи принадлежала Джеймсу, и «[м]ысль о том, что прагматизм был порожден Пирсом, была порождена Джеймсом» (цит. по [6, с. 70]). Дьюи дает совершенно иное направление его развитию: «[ч]тобы прагматизм мог стать движением той широты и силы, каким он, в конечном счете, стал, его “пришлось” интерпретировать в направлении Пирса или Дьюи или как комбинацию двух направлений» [6, с. 78]. Поэтому в прагматизме принято различать два основных направления: линию Пирса, или научную, и линию Джеймса, или релятивистскую [3, с. 175, 176]. К первому направлению относят Ч. Пирса, Дж. Дьюи, Ч. Морриса. Ко второй же линии – У. Джеймса, Ф.К.С. Шиллера, Р. Брэндома, Р. Рорти, к ней же можно отнести и Дж. Марголиса.

Вторая стадия эволюции прагматизма превращает его в нечто настолько размытое и широкое, что нередко с ним связывают имена У. Куайна, Н. Гудмена, Д. Дэвидсона, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, т. е. тех, за кем закрепилась слава строго аналитических или континентальных философов. Так, Р. Бернштейн считает, что «представление, согласно которому возникновение в Европе и укоренение в США аналитической философской традиции положило конец прагматизму, слишком поверхностно и превратно. Напротив, именно в этот период развития западной философии (после “лингвистического поворота”) стараниями таких ярких мыслителей, как Витгенштейн, Куан, Селларс и Дэвидсон, основные идеи, концептуальные положения и подходы философов-прагматистов получили новую, весьма оригинальную и глубокую проработку» [1, с. 122, 123].

Однако корректнее говорить, что не столько они сами внесли вклад в разви-

тие прагматизма, сколько идеи, порожденные аналитическими или континентальными философами, провоцировали отклик и дискуссии со стороны представителей прагматизма и тем самым оказывали влияние на его эволюцию. Этот этап обозначается Н.С. Юлиной [10, с. 491] как вторая, промежуточная фаза развития, но не прагматизма, а неопрагматизма. Также она отмечает, что в истории философии эта фаза именуется термином «прагматический анализ» с характерным для аналитической философии обращением к лингвистическому анализу, с использованием средств математической логики и логической семантики.

Вместе с тем вторая фаза мало что добавляет к основным идеям прагматизма, сформулированным Дьюи, и в конечном счете выливается в затянувшийся спор Х. Патнэма и Р. Рорти (80-е – 90-е гг.) о том, как именно следует интерпретировать положения Дьюи (подробнее о содержании этого спора см. [3, 14]). Рорти относит Дьюи к постмодернистскому контексту прагматизма, Патнэм же отдает предпочтение более канонической – реалистской – интерпретации его идей. Рорти хочет избавиться от метафизики, так и от эпистемологии – классических для философии дисциплин, которые, на его взгляд, бесполезны: нет и не может быть науки о знании, а значит, нельзя продемонстрировать истинность реализма. С точки зрения Патнэма, именно защита реализма в строгих терминах метафизики и эпистемологии поможет избежать вызовов релятивизма, так как к релятивизму ведет в том числе и отказ от реализма [6, с. 73, 74; 13, р. 4]. Среди возможных вызовов релятивизма перечисляют отрицание истины как чего-то независимого от концептуального (языкового) каркаса, отрицание общезна-

чимых стандартов рациональности и самого существования реальности как независимой от определенной понятийной конструкции [7, с. 3]. Релятивистская установка ведет к отказу от поиска истины и получения знания, от рациональности, исключает возможность критической дискуссии и парализует любое практическое действие [Там же].

К началу XXI в. становится понятно, что прагматизм окончательно выходит на новый виток эволюции в своем новом качестве как неопрагматизм. Говоря об особенностях этой фазы, Дж. Марголис [13, р. 7, 8] обращает особое внимание на два тезиса, которые оформились в прагматизме после его столкновений с аналитической философией:

а) концептуальные и семантические проблемы не могут быть решены в отрыве от эпистемологии и метафизики;

б) «истина» и «значение» могут быть эффективно определены без обращения к позитивистскому пониманию значения, которое потерпело фиаско (например, верификационная теория значения признает осмысленными только те научные высказывания, которые сводимы к протокольным предложениям, что подтверждается верификацией), и к аналитической тривиализации концепции истины, т. е. бивалентному значению истинности.

Эти особенности действительно при условии признания принципиальной неформализованности всех указанных положений и их зависимости от потока социальной и исторической жизни.

Заслуги, с которыми прагматизм подошел к третьей стадии развития, могут показаться незначительными. Однако, как отмечает Марголис, они влекут ряд следствий, существенных для понимания того,

какие изменения претерпела философская мысль на этом этапе. Марголис обозначает те философские идеи, развитию которых способствует новая философская стратегия. Среди них «натурализм, который одновременно является недедуктивным и неэлиминативным; избегание дуализма и когнитивных привилегий любого рода; эволюционная преемственность между животными и человеком; отказ от принципиальной разницы между теоретическим и практическим разумом; внутренне присущая самой философии неформальность; неотделимость факта и ценности; отрицание телеологизма и фиксированных или конечных ценностей; историчность любых наших концептуальных различий; поток опыта и эмпирический мир; неизбежность консенсуальных форм рациональности; базовая вера в осуществление человеческой свободы, связанная только с его собственным пониманием рационального благоразумия» [13, р. 8]. Как подчеркивает Марголис, Пирс и Дьюи несколько иначе смотрели на философию, чем это происходит в неопрагматизме.

Даже беглый взгляд на эволюцию прагматизма дает ясное понимание того, что на всех стадиях (или направлениях) его развития он никогда не был чем-то однородным, что подтверждает знаменитый тезис «Сколько прагматистов, столько и прагматизмов». Справедливо это утверждение и для третьей стадии. Более того, в свете приверженности представителей линии Джеймса, как и большинства представителей неопрагматизма, к релятивизму выявляется их сходство с античным движением софистов [2, с. 32, 33]: отсутствие идейного лидера, территориальной или институциональной централизации, но при этом фокусировка на конкретной проблематике и

определенной общности рассматриваемых тем. Этот момент роднит неопрагматизм с неософистическим направлением в философии, родоначальниками которого нередко называют представителей французского деконструктивизма [2, с. 11, 12] (к вопросу о конвергенции прагматизма и деконструктивизма мы обратимся ниже).

Однако отсутствует не только идейный лидер. Нет и устойчивого консенсуса относительно того, кто из современных философов может быть причислен к неопрагматистам и к лагерю прагматистов в целом. Фактически ни одна современная работа об этом философском направлении не обходится без упоминания имени Ричарда Рорти. В частности, И.Д. Джохадзе причисляет его к лагерю неопрагматистов вместе с Р. Бернстайном, К. Уэстом, Р. Шустерманом и Х. Патнэмом [4, с. 109]. Патнэм и Рорти относит к представителям неопрагматизма и Н.С. Юлина [10, с. 486–519], тогда как Дж. Марголис, как мы видели выше, относит их к репрезентантам второй фазы развития прагматизма. Более того, дискуссию между ними он понимает как специфицирующий этот этап элемент.

Вместе с тем мало у кого могут возникнуть сомнения относительно принадлежности самого Джозефа Марголиса к неопрагматизму. Родившись в 1924 г., он прошел долгий путь в философии, который, кстати сказать, весьма напоминает путь Р. Рорти. Будучи изначально сторонником англо-американской философии, Марголис всё чаще включает в область своих интересов континентальные подходы и темы, начиная с Канта и Гегеля и заканчивая Хабермасом. Как и Рорти, он обращается к французскому деконструктивизму и дает его критическую оценку. В то же время, находясь под значительным влиянием анали-

тической философии, он остается твердым приверженцем классического прагматизма. Примечательно, что среди общих тезисов неопрагматизма и философских идей, которые получают развитие в ходе третьей фазы развития этого течения, Марголис указывает и те, которые характерны для его философии.

Общая оценка философских интересов Марголиса говорит о том, что он, без сомнения, прагматист, но прагматизм, который он исповедует, значительно отличается как от классической версии, так и от ее «обновленных» вариантов. Марголис существенно расходится с Пирсом и Дьюи, весьма критически используя их концепции. Кроме того, бросаются в глаза резкие расхождения Марголиса с Рорти и Патнэмом по большинству вопросов (особенно если относить всех троих к лагерю неопрагматистов). В частности, он отвергает концепцию «внутреннего реализма» Патнэма и включается в дискуссию относительно «интерпретирующих третьих».

Существует спор об «интерпретирующих посредниках» между Дэвидсоном, Патнэмом и Рорти, значимый в контексте защиты реализма от релятивизма. Интерпретирующие посредники, или, в терминологии Рорти и Дэвидсона, *«tertium»* – это некие структуры, которые в зависимости от точки зрения либо необходимы, либо нет в процессе взаимодействия человека и мира. В качестве таких эпистемологических посредников рассматриваются любые структуры, которые могут служить медиаторами: социальные, исторические, артефактные, символические и т. д. Дэвидсон и Рорти исключают наличие таких структур. Рорти отклоняет «третьи» как субъективные интерпретации (наподобие «идей» Локка). Патнэм занимает различные позиции в за-

висимости от версии реализма, которой придерживается в разные периоды своего творчества. В период «внутреннего реализма» он склонялся в пользу существования «третьих», в период «естественного реализма» занимал более органическую и натуралистическую позицию, а потому отклонял роль социального или исторического как посредника между человеческим сознанием и миром. Марголис принципиально настаивает на существовании таких структур, роль которых в его концепции выполняют язык, технологии и социальные институты, погруженные в исторический контекст [11, р. 88, 89; 20, р. 24].

В то же время он критически оценивает позицию Рорти и видит в ней подрыв легитимации всего философского проекта, что говорит о различиях в оценке роли философии в современной интеллектуальной жизни. В частности, Марголис хотя и разделяет критику Рорти относительно классических (картезианских) форм реализма, но не приемлет его вывод о том, что это должно привести также к отрицанию философской жизнеспособности любой формы реализма [21, р. VII].

Таким образом, чтобы зафиксировать позицию Марголиса, следует очертить его вклад в неопрагматистскую проблематику по основным взаимосвязанным вопросам, которые так или иначе обсуждаются каждым представителем этого направления:

- антифундаментализм и антиобъективизм (релятивизм);
- теория истинности;
- историчность и отношение к формам социального дарвинизма.

В этой статье мы более подробно рассмотрим первый и третий пункты.

Фундаментализм (англ. *foundationalism*) как философскую программу возво-

дят к рассуждениям Декарта и Локка. Ее суть в том, что существуют незыблемые и неизменные основания достоверного знания (истинного обоснованного мнения), которые лежат в основе всех других наших представлений. В качестве таких оснований может фигурировать сам факт существования познающего или его непосредственный опыт. Можно говорить об «эпистемическом фундаментализме», который ищет основания достоверности знания в нем самом, и об «онтологическом фундаментализме», когда достоверность знания подтверждается определенными структурами, или формами бытия, которые выступают как предельные основания, независимые ни от каких внешних обстоятельств (эйдосы, сущность, абсолют и прочее). В XX в. фундаментализм и связанные с ним требования объективизма, такие как достоверность, проверяемость, универсальность, формализуемость знания, всё чаще подвергаются критике за несостоятельность, поскольку не оправдали возлагаемых на них надежд по поиску абсолютного знания и его оснований. Как правило, в роли критиков выступают сторонники релятивизма.

Можно сказать, что абсолютизм и релятивизм – это полюсы, идеальные модели философского отношения к знанию, со знаком «плюс» и «минус» соответственно, которых в чистом виде вряд ли кто-либо придерживался. Тем не менее вплоть до XX в. релятивизм существовал скорее в форме негативного ярлыка, чем реальной философской позиции. Суть такого понимания релятивизма сводится к интерпретации тезиса Протагора о человеке как мере всех вещей, согласно которой знание релятивизируется *относительно* восприятия. XX в. дает иное, более широкое прочтение

релятивизма, суть которого можно свести к двум тезисам:

– статус положений, претендующих на знание (истину или обоснованность), определяется относительно оценивающих стандартов;

– альтернативные стандарты не могут быть нейтрально оценены посредством беспристрастных метастандартов, поскольку те, в свою очередь, тоже относительны [22, р. 747].

Такое понимание релятивизма утверждает зависимость истинности знания уже не от восприятия индивидуума, а от совокупности переменных: времени, места, общества, культуры, исторической эпохи, концептуальной схемы или каркаса, личного воспитания или убеждения [Там же].

Р. Рорти в статье «Релятивизм: найденное и сделанное» (1994) обращается к исходному значению термина «релятивизм» и подчеркивает, что оно используется как негативный ярлык: «философов называют “релятивистами”, если они не принимают идущего от древних греков различения между вещами как они есть сами по себе и их отношениями к другим вещам, особенно к человеческим потребностям и интересам» [9, с. 12]. Если философы избегают такого различения, то они «должны отказаться и от традиционного философского проекта найти нечто столь прочное и неизменное, что могло бы служить критерием для суждений о преходящих плодах наших преходящих потребностей и интересов» [Там же]. Иными словами, он призывает отказаться от установок фундаментализма и объективизма, от Платона и Канта. Рорти прямо соотносит такое стремление с постнищпеанской европейской и прагматистской американской традициями в философии, тем самым отождествляя прагма-

тистов и релятивистов [Там же]. Вместе с тем он отказывается от термина «релятивизм», поскольку тот служит, по собственному выражению Рорти, исключительно тому, чтобы заклеить или обозвать философа. «Мы, прагматисты, никогда *сами себя* не называем релятивистами. Обычно мы определяем себя путем отрицания. Мы называем себя “антиплатониками”, или “антиметафизиками”, или “антифундаменталистами” (“antifoundationalists”» [9, с. 13]. Однако признать антифундаментализм, по мнению Рорти, еще не значит отказаться от рациональности и аргументированности своих философских позиций. Прежде всего следует отказаться от фундаменталистского словаря, который загоняет новые способы рациональности в рамки старого, изжившего себя способа мыслить, придерживаясь тех принципов и оснований, которые не находят аналогов в современной действительности и человеческой деятельности.

Использование термина «релятивизм» должно свидетельствовать о той или иной степени приверженности картезианскому или любому другому фундаменталистскому проекту, даже если это ограничивается использованием характерного для него языка. Такой подход представляется Марголису крайней и неприемлемой формой релятивизма. Хотя он сам весьма критически относится к таким фундаменталистским проектам, как теория когнитивных преимуществ, эссенциализм, теология, «архический канон» классической философии с поиском инвариантных структур [21, р. vii], избавляться от любых фундаменталистских проектов он не считает нужным.

Под термином «архический канон» (*archic canon*) Марголис понимает классический философский канон рассуждений об исти-

не, или те способы рассуждать о ней, которые использовались Парменидом, Платоном, Аристотелем, а также Гераклитом и Демокритом. Согласно архическому канону то, что истинно, истинно непреходяще, даже если истина адресуется тому, что само по себе временно. На этом основании утверждается, что истина в каждом конкретном случае не может быть сведена к чему-то кажущемуся, а все кажущиеся несоответствия, касающиеся истин, могут быть релятивизированы к нашим контингентным верам в тот или иной момент исследования. Аргумент строится таким образом, что любое более сильное заявление в случае успешного поиска признается бессмысленным или самопротиворечивым *в некотором отношении* [19, р. 2, 3].

Предисловие к книге «Truth about Relativism» (1991) Марголис начинает словами «Я полагаю, что защищал релятивизм большую часть моей жизни...» [19, р. ix], что указывает на принятие им этого термина. Кроме того, он стремится скорректировать релятивизм таким образом, чтобы в какой-то мере сохранить объективность (или когнитивную строгость) познания.

Марголис включает в дискуссию относительно когнитивной прозрачности мира и когнитивных преимуществ эссенциализма, фундаментализма, объективизма и сопутствующих им инвариантов (таких как сущность, логическая двузначность, закон исключенного третьего и др.). В частности, в статье «Pragmatism, Praxis, and the Technological» [17] он говорит, что существующие технологии подтверждают когнитивную компетентность человеческих существ. В таком случае можно спросить: что в природе человека позволяет ему создавать науку, и при каких условиях осуществляется эта человеческая

способность? Если мы, отвечая на эти вопросы, соглашаемся с тем, что природа не является когнитивно прозрачной, что человек не имеет когнитивного привилегированного доступа, чтобы зафиксировать каким-то образом познанные структуры мира, и что достижения такого рода являются естественным развитием того способа, благодаря которому человеческие виды выживают в мире, то мы отвечаем на них как прагматисты [17, р. 113].

По мнению Марголиса, в настоящее время аналитическая, или англо-американская, традиция философии (он высказывает сомнение, что эти термины взаимозаменяемы) развивается в сторону прагматизма, континентальная – в сторону феноменологии, и обе они быстро становятся аналогами. Сходство или конвергенция двух этих традиций идет по следующим пунктам:

- концептуальный симбиоз реалистских и идеалистских аспектов познания;
- отрицание любой и каждой форм когнитивной прозрачности реального мира;
- легитимация когнитивных требований только холистически (или по меньшей мере изначально на неэпистемических основаниях);
- приоритет, касательно предмета легитимации, практических функций над когнитивными;
- отрицание любых форм «тотализации», настаивание на недодетерминации универсальных требований в отношении имеющихся свидетельств;
- историзация как практической деятельности, так и когнитивных исследований;
- повышение толерантности релятивизма в отношении когнитивных требо-

ваний как первого порядка, так и второго [16, р. 341, 342].

Тезис о когнитивной непрозрачности мира – это результат усвоения прагматизмом и феноменологией идеалистических принципов, когда признается, что сознание больше не должно рассматриваться как «зеркало природы», и в равной мере природа больше не понимается как нечто «отраженное». Эту мысль сформулировал Р. Рорти в работе «Философия и зеркало природы» [9]. Марголис указывает, что эта книга – наиболее «модный обзор» всех текущих направлений философии с вышеуказанной тенденцией [17, р. 128]. В свою очередь, Марголис определяет *тезис прозрачности* как определенное соответствие или адекватность между познаваемыми свойствами реального мира и познающими силами человеческого ума. При этом *распространенные* истины науки могут уверить нас, что интуиций ум не может ошибаться, схватывая независимые от него познаваемые структуры мира: мир или его составные части когнитивно прозрачны для ума [15, р. xv–xvi]. Существовало огромное количество версий тезиса прозрачности на всем протяжении развития философии, среди них – фундаментализм, позитивизм, логоцентризм, структурализм, натурализм и даже реализм [Там же, р. xvi].

Признание когнитивной непрозрачности влечет две проблемы. Первая сопряжена с установками Р. Рорти, для которого отрицание когнитивной прозрачности мира означало, во-первых, полный отказ от метафизики, признание требования, что прагматизм, обходясь без метафизики, вполне может обойтись и без метода, а во-вторых, невозможность защитить какую-либо форму реализма. По мнению Рорти, реализм

как направление не имеет будущего в философии [9, р. xii].

Вторая проблема, вытекающая из тезиса о непрозрачности – это проблема несоизмеримости, а именно отсутствие понимания между различными (различно ориентированными) человеческими сообществами в потоке человеческой истории [15, р. 33] и, как следствие, невозможность обращения к инвариантам (необходимость, логическая двузначность, закон исключенного третьего). Марголис также предлагает собственное решение проблемы несоизмеримости посредством введения особого вида релятивизма [19, р. 9, 10, 101–117]. Он предлагает собственную версию алетического релятивизма и выделяет две его формы: *реляционную*, в которой понятие «истина» заменяется на выражение «истина в языке L_k », и *надежную*, в которой бивалентное значение истины, предполагающее только два значения («истина / ложь»), заменяется набором множественных значений.

По мнению некоторых исследователей концепции релятивизма истины, «истина» и «истинно для» (или, в версии Марголиса, «истина в языке L_k »), соотносятся так же, как значение «кот» присутствует в слове «скот» («саб» в «cattle») [12, р. 33]. Несмотря на вроде бы несущественную поправку, смысл этих двух релятивизмов истины принципиально расходится. Надежная форма релятивизма Марголиса подразумевает отказ от закона исключенного третьего и делает несоразмерные или противоречивые требования совместно приемлемыми. Марголис приводит пример такого вымышленного языка, в котором к любому утверждению применяется только дизъюнкция «истина» или «не-истина». Такая форма приемлет негативные высказывания, отрицающие какой-либо факт, но ничего не сообщающие

о том, каково реальное положение дел. Высказывание «небо не винного цвета» ничего не говорит о подлинном цвете неба, а потому не может рассматриваться ни как истинное, ни как ложное, но как задающее максимальное число возможностей описания неба. Эта версия релятивизма Марголиса требует рассмотрения в отдельной статье.

В работе «К метафизике культур» [17, р. 118–121] он иллюстрирует тезис о когнитивной непрозрачности на примере двух версий *формального прагматизма*. Первая – различные *актуальные миры* Н. Гудмена, когда у нас нет возможности выбрать между правильной и неправильной версией мира в случае конфликтующих истин относительно этих миров. Вторая – версия У. Куайна, когда неконфликтующие версии касаются множественных альтернатив разных миров, а сталкиваются истины в рамках одного мира (например, конфликт между конкурирующими гипотезами в условиях бескомпромиссного научного холизма).

Решая первую проблему, связанную с отказом от реализма, Марголис включает в дискуссию между Рорти и Патнэмом и пытается найти срединный путь. В отличие от радикальной позиции Рорти, он стремится защитить реализм, но при этом не соглашается и с мнением Патнэма.

Патнэм посвятил себя поискам устойчивой формы реализма, которая могла бы противостоять релятивистским и фаллибилистским построениям в науке. В различные периоды своего творчества он разрабатывает разные формы реализма: – «научный», «внутренний», «естественный» – и все они подвергаются жестким нападкам со стороны Рорти. В любом случае Патнэм считает, что защитить реализм можно только избежав релятивизма.

По мнению же Марголиса, защитить реализм можно и согласовав его с релятивизмом. Собственно, его книга «Pragmatism without Foundation» [15] (первое издание вышло в свет в 1986 г.) целиком посвящена вопросу совместимости реализма и релятивизма. В ней можно отметить два способа защиты реализма.

Первый способ осуществляется через выяснение природы скептицизма. Марголис рассматривает три вида скептицизма:

- прямой («Это не тот случай, когда S может знать, что p »);
- итеративный («Это не тот случай, когда S может знать, что S может знать, что p »);
- прямой пирронистский («Есть не более веские причины верить, что S может знать, что p , чем не верить, что это не тот случай, когда S может знать, что p ») [Там же, р. 94].

Все они делают проблематичным понимание релятивистских теорий как антиреалистских или скептических, хотя нередко релятивизм, скептицизм, историзм и нигилизм отождествляются без всяких существенных уточнений их собственных точных значений [Там же, р. 94, 95].

По мнению Марголиса, нужно сконструировать такую форму реализма, которая могла бы отклонить атаки скептицизма. Для этого наиболее подходит минимальный реализм Т. Куна [5]. Марголис пишет, что Куну не чужд релятивизм, но он не в состоянии законно реализовать возможности минимального реализма в рамках своей концепции конкурирующих парадигм, поскольку их требования объективности и рациональности гораздо более мощные, чем те, которых придерживается релятивизм [Там же, р. 96, 97]. Марголис, в свою очередь, предлагает понимать под минимальным реализмом такую теорию чело-

веческих свойств, которая, будучи сформулированной наиболее экономным образом, во-первых, могла нейтрализовать нападки скептицизма, а во-вторых, не могла быть застрахованной от любой потенциальной истины любой науки [5, с. 96, 97]. Оспоримость любой гипотезы, претендующей на роль теории, проверяется на основании семи положений, которые, по сути, являются переформулированными тезисами, отражающими пути схождения прагматизма и феноменологии [Там же, р. 97, 98]. Иначе говоря, некоторая реалистская теория сможет противостоять скептицизму и быть совместимой с релятивизмом, только если она удовлетворяет следующим положениям неопрагматистской философии:

- отрицание когнитивной прозрачности мира;
- истолкование науки как достижения исторических сообществ;
- признание несоизмеримости в диахронном течении науки;
- отбрасывание скептицизма;
- отбрасывание объективизма (любой универсальной концептуальной схемы соизмерения);
- дисквалификация любой линейной теории научного прогресса;
- приверженность холизму (легитимация без отсылки к общим когнитивным привилегиям).

Второй способ защиты реализма – это характерное для Марголиса обращение к «доктрине потока» [18], или концепции историчности человеческого бытия, тесно связанное с убежденностью в важности *праксиса*. На наш взгляд, именно эта концепция в наибольшей мере характеризует его как прагматиста. Марголис понимает человека как существо, ограниченное культурой и языком, которые задают его исторические

горизонты, что, в свою очередь, ведет к отрицанию когнитивной прозрачности мира и к несоизмеримости, определяемой как отсутствие понимания между различными человеческими сообществами в потоке человеческой истории [15, р. xvii, 33].

В отношении тезиса историчности имеются только две стратегии, позволяющие узаконить реализм [Там же, р. 120]. Первая связана с познающей силой, о чем мы упоминали в связи с использованием технологий [17, р. 113]. Технологии подтверждают когнитивную компетентность человека даже при условии непрозрачности, а из когнитивной компетентности человека в отношении мира, в свою очередь, следует безусловная связь человека с реальным миром. Вторая стратегия обращается не к использованию технологий, а к их обратной стороне: технологии способствуют актуальному выживанию и жизнеспособности человеческих видов, поэтому и то и другое выражается в живых практиках человеческих обществ. Выживание человеческих обществ зависит от комплекса коллективно успешных мер, вмешательств человеческого познания в различные структуры внешнего мира. Очевидно, вмешательство во внешний мир согласуется с некоторой формой реализма. Первую стратегию Марголис называет эпистемической, вторую – неэпистемической, или прагматистской.

В действительности, как отмечает Марголис, при любом рассуждении мы можем столкнуться с загадкой скептика. Скептиков искусственно инкубируют. Это происходит всякий раз, когда кто-либо отступает от однозначного признания полной достоверности и надежности человеческого познания. Скептик маргинален в отношении любой реалистской схемы рассужде-

ния. Так происходит потому, что скептик и реалист не могут действовать согласованно, не способны на продуктивное взаимодействие в рамках компетенций реалиста, поскольку именно их и ставит под удар скептик. Как подчеркивает Марголис, легитимация реализма в науке не может состояться до тех пор, пока реалист не предоставит какие-либо эпистемические аргументы для обоснования собственных утверждений о мире, запрос же на них осуществляет скептик. В любом случае вопрос «Как возможна наука?», сформулированный в кантовском духе, даже в случае состоявшегося диалога реалиста и скептика сохраняется и дополняется еще одной задачей – можно ли вообще решить какую-либо эпистемическую проблему, если мы отказываемся от апелляции к привилегированному когнитивному ресурсу? [15, р. 120, 121, 127]. Преимущественным ответом, с точки зрения Марголиса, будет тот, который опирается на точку зрения *практики и деятельности*, а не *эпистемически* специфицированных когнитивных возможностей. Таким образом, Марголис настаивает на неэпистемической прагматической легитимации когнитивных способностей.

На первый взгляд, и то, как Марголис ставит проблемы, и то, к каким внутренним прагматистским дискуссиям он приемыкает в контексте этих проблем, заставляет относить его к радикальному релятивистскому крылу неопрагматизма. Более взвешенный подход к его доктрине показывает, что позиция Марголиса не носит крайне радикального характера. В этой статье мы коснулись нескольких характерных тем неопрагматистского дискурса. Подробно мы рассмотрели проблемы когнитивной непрозрачности мира, несостоятельности реализма, и в общих чер-

тах – проблемы несоизмеримости концептуальных каркасов и теории истины. Нашей задачей было сопоставить позицию Марголиса в отношении каждой из этих проблем с более известными доктринами, в частности Патнэма и Рорти. Нам было важно показать, каким образом сам Марголис моделирует эволюцию прагматистского направления, поскольку это позволяет лучше понять то, какую роль он отводит себе в этом процессе. То, как Марголис ставит проблему и открыто провозглашает себя релятивистом, заставляет предположить, что он, как и Рорти, стремится отказать от любых абсолютистских и фундаменталистских положений, влекущих отказ от реализма, таких как концепция когнитивных привилегий, «архический канон» в отношении истины и т. д. Тщательный разбор его позиции демонстрирует его стремление занять среднюю – промежуточную, примиряющую – позицию. И если Патнэм ищет способы найти безопасный проход для корабля реализма между «Сциллой догматизма» и «Харибдой релятивизма» [21, р. viii], то Марголис стремится нивелировать противоречия между абсолютизмом и релятивизмом так, чтобы эти направления, будучи полярными, в то же время оставались согласованными и непротиворечивыми, т. е. устранить саму необходимость опасного прохода между «абсолютистской Сциллой и релятивистской Харибдой». В течение всей своей карьеры он пытается выработать такие положения, которые обеспечили бы этот проход. В конечном итоге Марголис предлагает формулировку семи положений неопрагматизма, согласованность с которыми и предоставляет любой теории, в том числе и реалистской, «безопасный проход» или третий путь.

Литература

1. Бернштейн Р. Метаморфозы прагматизма / пер. с англ. И.Д. Джохадзе // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. И.И. Блауберг. – М.: ИФРАН, 2012. – С. 118–125.
2. Вольф М.Н. Софистика. Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. – 248 с.
3. Джохадзе И.Д. Патнэм vs Рорти: спор о прагматизме и релятивизме // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. 30, № 4. – С. 175–190.
4. Джохадзе И.Д. Прагматизм: новое вино в старых мехах? // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. И.И. Блауберг. – М.: ИФРАН, 2012. – С. 103–118.
5. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
6. Марголис Дж. Первые прагматисты // Американская философия: введение: пер. с англ. / под. ред. А.Т. Марсубяна и Дж. Райдера. – М.: Идея-Пресс, 2008. – С. 68–92.
7. Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Канон+: Реабилитация, 2015. – 392 с.
8. Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / отв. ред. А. Рубцов. – М.: Традиция, 1997. – С. 11–44.
9. Рорти Р. Философия и зеркало природы / пер. с англ. В. Целищева. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 320 с.
10. Юлиана Н.С. Философская мысль в США. XX век. – М.: Канон+, 2010. – 600 с.
11. Nonenberger Ph. The poverty of neo-pragmatism: Rorty, Putnam, and Margolis on realism and relativism // Pragmatism, Metaphysics and Culture: reflections on the philosophy of Joseph Margolis / ed. by D.-M. Grube and R. Sinclair. – Helsinki: Nordic Pragmatism Network, 2015. – P. 76–99. – (Nordic Studies in Pragmatism; 2).
12. Lee M.-K. Epistemology after Protagoras: responses to relativism in Plato, Aristotle, and Democritus. – Oxford: Clarendon Press, 2005. 291 p.
13. Margolis J. Introduction: pragmatism, retrospective, and prospective // A Companion to Pragmatism / ed. by J.R. Shook and J. Margolis. – Malden, MA; Oxford: Blackwell Publ., 2006. – P. 1–10.
14. Margolis J. Pragmatism's advantage: American and European philosophy at the end of the twentieth century. – Stanford: Stanford University Press, 2010. – 192 p.
15. Margolis J. Pragmatism without foundations: reconciling realism and relativism. – 2nd ed. – New York: Continuum, 2007. – 306 p.
16. Margolis J. Pragmatism, phenomenology, and the psychological sciences // Perspectives on Mind / ed. by H.R. Otto and J.A. Tuedio. – Dordrecht et al.: Reidel, 1988, pp. 341–354.
17. Margolis J. Pragmatism, praxis, and the technological // Philosophy of technology: practical, historical, and other dimensions / ed. by P.T. Durbin. – Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publ., 1989. – P. 113–130. – (Philosophy and technology; vol. 6).
18. Margolis J. The flux of science and the flux of history. – Berkeley: University of California Press, 1993. – 248 p.
19. Margolis J. The truth about relativism. – Oxford; Cambridge: Blackwell, 1991. – 224 p.
20. Margolis J. Toward a metaphysics of culture // Pragmatism, Metaphysics and Culture: reflections on the philosophy of Joseph Margolis / ed. by D.-M. Grube and R. Sinclair. – Helsinki: Nordic Pragmatism Network, 2015. – P. 1–37. – (Nordic Studies in Pragmatism; 2).
21. Pragmatism, metaphysics and culture: reflections on the philosophy of Joseph Margolis / ed. by D.-M. Grube and R. Sinclair. – Helsinki: Nordic Pragmatism Network, 2015. – 347 p. – (Nordic Studies in Pragmatism; 2).
22. Siegel H. Relativism // Handbook of Epistemology / ed. by I. Niiniluoto, M. Sintonen, J. Woleński. – Dordrecht: Springer Science + Business Media B.V., 2004. – P. 747–780.

JOSEPH MARGOLIS'S NEO-PRAGMATISM**A.V. Kosarev**Institute of Philosophy and Law, SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation

andrkw@rambler.ru

M.N. VolfInstitute of Philosophy and Law, SB RAS,
National research Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

rina.volf@gmail.com

The paper presents the evolution of pragmatism, with an emphasis on its third stage which is called neo-pragmatism. The paper considers the specific features of this stage in the light of the philosophy of Joseph Margolis. The paper demonstrates that Margolis takes part in all relevant discussions of this philosophical movement, first of all, about the relationship of realism and relativism and about the nature of the truth. The question about the nature of the truth related to the problem of incommensurability and alethic relativism, and Margolis offers his own version of this kind of relativism – the robust relativism. The article discusses these issues in general. A more detailed analysis the authors provide for the Margolis's solution of the problem of the realism and relativism compatibility. On the one hand, Margolis firmly stays on relativistic positions. On the other hand, he argues that it is possible to defend realism against relativistic attacks but only if to reconcile these two trends. Margolis offers two strategies for doing this. He implements the first strategy through the clarification of the nature of skepticism. He formulates the form of realism which could resist to skepticism, it ought to satisfy the main statements of neopragmatism. Such a kind of realism Margolis calls minimal realism. The second strategy appeals to practices and activities and it is implemented through the actual survival and viability of the human species that is closely related to the historicity of human existence. For the last strategy Margolis offers two ways as well, the pragmatic and epistemic ones. The epistemic way allows to legitimize realism through an appeal to the technology, the existence and the use of which indicates human cognitive competence about external world. The pragmatic way legitimizes realism through the successful interventions of collective human knowledge in different structures of the world. Summarizing the authors draw a conclusion, that Margolis tries to occupy a middle position between two poles – absolutism (foundationalism) and relativism, which are presented most clearly in the pragmatists dispute between Putnam and Rorty, and thereby he tries to eliminate the differences between these two tendencies in contemporary philosophy.

Keywords: pragmatism, neo-pragmatism, realism, relativism, incommensurability, foundationalism, Joseph Margolis.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-3-16

References

1. Bernstein R. The historical vicissitudes of pragmatism. *Zapadnaya filosofiya kontsa XX – nachala XXI v. Idei. Problemy. Tendentsii* [Western philosophy of the end of XX – beginning of XXI c. Ideas. Problems. Trends]. Ed. by I.I. Blauberg. Moscow, RAS Institute of Philosophy Publ., 2012, pp. 118–125. (In Russian).

2. Volf M.N. *Sofistika. Gorgii Leontiiskii: traktat «O ne-sushchem, ili O prirode» v sovremennykh interpretatsiyakh* [Sophistic. Gorgias of Leontini. Treatise «On what-is not, or On nature» in contemporary interpretation]. Novosibirsk, NSU Publ., 2014. 248 p.

3. Dzhokhadze I.D. Patnem vs Rorti: spor o pragmatizme i relyativizme [Putnam vs Rorty: argument about pragmatism and relativism]. *Episte-*

mologiya i filozofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science, 2011, vol. 30, no. 4, pp. 175–190.

4. Dzhokhadze I.D. Pragmatizm: novoe vino v starykh mekhakh? [Pragmatism: new wine in old wineskins *Zapadnaya filozofiya kontsa XX – nachala XXI v. Idei. Problemy. Tendentsii* [Western philosophy of the end of XX – beginning of XXI c. Ideas. Problems. Trends]. Ed. by I.I. Blauberg. Moscow, RAS Institute of Philosophy Publ., 2012, pp. 103–118. (In Russian).

5. Kuhn T.S. *The Structure of scientific revolutions*. 2nd ed. Chicago, University of Chicago Press, 1970. XII, 210 p. (Russ. ed.: Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii*. Translated from English. Moscow, Progress Publ., 1977. 300 p.).

6. Margolis J. The First pragmatists. *Amerikanskaya filozofiya: vvedenie* [The Blackwell guide to American Philosophy]. Ed. by A.T. Marsoobian, J. Ryder Dzh. Translated from English. Moscow, Ideya-Press Publ., 2008, pp. 68–92. (In Russian).

7. Lektorskii V.A., ed. *Rehyativizm kak bolezn' sovremennoi filozofii* [Relativism as a disease of contemporary philosophy]. Moscow, Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., 2015. 392 p.

8. Rorty R. Relativism: finding and making. *Filozofskii pragmatizm Richarda Rorti i rossiiskii kontekst* [Philosophical pragmatism of Richard Rorty and Russian context]. Ed. by A. Rubtsov. Moscow, Traditsiya Publ., 1997, pp. 11–44. (In Russian).

9. Rorty R. *Philosophy and the mirror of nature*. Princeton, Princeton University Press, 1979 (Russ. ed.: Rorti R. *Filozofiya i zerkalo prirody*. Translated from English. Novosibirsk, NSU Publ., 1997. 320 p.).

10. Yulina N.S. *Filozofskaya mysl' v SShA. XX vek* [Philosophical thought in the United States. XX century]. Moscow, Kanon+ Publ., 2010. 600 p.

11. Honenberger Ph. The poverty of neo-pragmatism: Rorty, Putnam, and Margolis on realism and relativism. *Pragmatism, Metaphysics and Culture: reflections on the philosophy of Joseph Margolis*.

D.-M. Grube and R. Sinclair. Helsinki, Nordic Pragmatism Network, 2015, pp. 76–99.

12. Lee M.-K. *Epistemology after Protagoras: responses to relativism in Plato, Aristotle, and Democritus*. Oxford, Clarendon Press, 2005. 291 p.

13. Margolis J. Introduction: pragmatism, retrospective, and prospective. *A Companion to Pragmatism*. Ed. by J.R. Shook and J. Margolis. Malden, MA, Oxford, Blackwell Publ., 2006, pp. 1–10.

14. Margolis J. *Pragmatism's advantage: American and European philosophy at the end of the twentieth century*. Stanford, Stanford University Press, 2010. 192 p.

15. Margolis J. *Pragmatism without foundations: reconciling realism and relativism*. 2nd ed. New York, Continuum, 2007. 306 p.

16. Margolis J. Pragmatism, phenomenology, and the psychological sciences. *Perspectives on Mind*. Dordrecht et al., Reidel, 1988, pp. 341–354.

17. Margolis J. Pragmatism, praxis, and the technological. *Philosophy of technology: practical, historical, and other dimensions*. Ed. by P.T. Durbin. Dordrecht, Boston, London, Kluwer Academic Publ., 1989, pp. 113–130.

18. Margolis J. *The flux of science and the flux of history*. Berkeley, University of California Press, 1993. 248 p.

19. Margolis J. *The truth about relativism*. Oxford, Cambridge, Blackwell, 1991. 224 p.

20. Margolis J. Toward a metaphysics of culture. *Pragmatism, Metaphysics and Culture: reflections on the philosophy of Joseph Margolis*. Ed. by D.-M. Grube and R. Sinclair. Helsinki, Nordic Pragmatism Network, 2015, pp. 1–37.

21. Grube D.-M., Sinclair R., eds. *Pragmatism, metaphysics and culture: reflections on the philosophy of Joseph Margolis*. Helsinki, Nordic Pragmatism Network, 2015. 347 p.

22. Siegel H. Relativism. *Handbook of Epistemology*. Ed. by I. Niiniluoto, M. Sintonen, J. Woleński. Dordrecht, Springer Science + Business Media B.V., 2004, pp. 747–780.